

**И.И. Панаев, В.А. Жуковский, П. А. Вяземский, Некрасов,
П.А. Плетнев, А. С. Пушкин**

Современник

83

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Панаев**
Современник: 83 / И.И. Панаев, В.А. Жуковский, П. А. Вяземский, Некрасов, П.А. Плетнев, А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 630 с.

ISBN 978-5-518-02972-9

ISBN 978-5-518-02972-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОЛИНЬКА.

Что жь, вы боитесь, что сглазятъ насъ съ вами?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Сглазить-то не сглазятъ, да ты-то все у меня повѣсничаетъ.

ОЛИНЬКА.

Вотъ что! Скажите, пожалуйста.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, толкуй тутъ себѣ, а я все вижу.

ОЛИНЬКА.

Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будетъ послушать.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А ты бы вотъ меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтовъ найдешь. Ты только знай, что отъ меня ничего не скроется.

ОЛИНЬКА.

Тѣмъ для васъ больше чести: означаетъ, что вы проникательная женщина.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да ужь конечно.

ОЛИНЬКА.

А коли вы проникательны, такъ, значить, вы знаете моихъ обожателей.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Разумѣется, знаю.

ОЛИНЬКА.

А вотъ ошиблись; у меня ихъ нѣтъ!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ты мнѣ зубы-то не заговаривай.

ОЛИНЬКА.

Ну скажите, коли знаете!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Экзаментъ, что ли, ты мнѣ хочешь дѣлать? Сказано, что знаю, вотъ ты и мотай себѣ темеръ на усы. Ты думаешь обмануть мать, — нѣтъ, шалишь: будь ты вдесятеро умнѣй, и то не обманешь.

ОЛИНЬКА.

Коли вы чувствуете себя, что вы такъ длинновидны, пускай это при васъ и останется.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да-съ, длинновидны-съ; потому что вамъ довѣрія сдѣлать нельзя-съ.

ОЛИНЬКА.

Отчего вы такъ воображаете обо мнѣ, что мнѣ нельзя сдѣлать довѣрія?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Потому что всѣ вы баловницы, вотъ почему; а особенно которыя изъ магазина. Вотъ ты долго ли въ магазинѣ-то пожила, а прыти-то въ тебѣ сколько прибыло!

ОЛИНЬКА.

Когда вы такъ гнушаетесь магазиномъ, отдали бы меня въ пансіонъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Въ какой это пансіонъ? Изъ какихъ это доходовъ? Да я такъ думаю, что тебѣ это и не къ лицу, носъ коротокъ! Пожалуй, сказали бы: залетѣла ворона въ высоки хоромы.

ОЛИНЬКА.

Не хуже бы другихъ были, не беспокойтесь. Ну да ужь теперь тосковать объ этомъ поздно.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, вотъ, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка васъ спросить: какого вы это чиновника приучили мимо оконъ шляться?

ОЛИНЬКА.

Никого я не приучала, а и запретить, чтобы по нашей улицѣ не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушаетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что ты мнѣ толкуешь! И безъ тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы-то вонъ что говорятъ: что, какъ онъ пройдетъ, ты накинешь что нибудь на плечи да и потрепнешься за нимъ.

ОЛИНЬКА.

Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А ты думала перехитрить всѣхъ? Нѣтъ ужь нынче никого не обманешь. Скажи ты мнѣ, сударыня, съ чего это ты выдумала пашни-то заводить?

ОЛИНЬКА.

Какія шаши?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да такія же. Ты у меня смотри, я вѣдь гляжу, гляжу, да примусь по своему.

ОЛИНЬКА.

Что же вы со мной сдѣлаете?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Убью до смерти.

ОЛИНЬКА.

Ужь будто и убьете?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свѣтѣ, чѣмъ страмить меня на старости лѣтъ.

ОЛИНЬКА.

Не убьете, пожалѣете.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нѣтъ, ужь пощады не жди. Да я и не знаю, что съ тобой сдѣлаю, такъ, кажется, пополамъ и разорву.

ОЛИНЬКА.

Вотъ страсти какія!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ты меня не серди, я съ тобой не шутя говорю.

ОЛИНЬКА.

А я думала, что вы шутите.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нисколько-таки не шучу, и не думала шутить.

ОЛИНЬКА.

Такъ неужели же въ самомъ дѣлѣ вы вѣрите нашимъ жильцамъ?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Какъ не вѣрить-то, когда всѣ говорятъ?

ОЛИНЬКА.

Вотъ прекрасно! Какъ же вы обо мнѣ понимаете, послѣ этого? Что же я такое по вашему? Всякій меня можетъ поманить съ улицы, а я такъ и пойду?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нешто я тебѣ такими словами говорила?

ОЛИНЬКА.

Нѣтъ, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательнаго поведенія, зачѣмъ же вы живете со мной вмѣстѣ? Для чего вамъ себя страмить? Я себѣ вездѣ мѣсто найду, меня во всякій магазинъ съ радостью возьмутъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что ты еще выдумываешь-то! Пущу я тебя въ магазинъ, какъ же!

ОЛИНЬКА.

Однако вы мнѣ столько обиднаго наговорили, что ни одна дѣвушка не можетъ перенести этого.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ты, видно, не любишь, когда тебѣ дѣло-то говорятъ.

ОЛИНЬКА.

Какое дѣло? Нешто вы сами видѣли? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тѣхъ поръ нечего вамъ толковать, да казни разныя придумывать.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

То-то ужъ я и вижу, что ты губы надула. Ну извините-съ (*присѣдаетъ*), что объ такой особѣ да смѣли подумать. Извините-съ! Шардонъ, мадмуазель!

ОЛИНЬКА.

Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потомъ и извиняетесь.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Больно ужъ ты что-то обидчива стала! Ну да хорошо, изволь, больше не буду объ этомъ говорить. Теперь довольны вы?

ОЛИНЬКА.

Даже очень довольна-съ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Только все-таки помни ты, что ежели я замѣчу...

ОЛИНЬКА.

Такъ убьете. Я ужъ слышала.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, и убью.

ОЛИНЬКА.

Ну хорошо, такъ и будемъ ожидать. (*Взглянувъ въ окно*) Ну, радуйтесь! теперь вамъ новостей на недѣлю будетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А что?

ОЛИНЬКА.

Пульхерія Андревна идетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Это нашъ телеграфъ; намъ газетъ не нужно получать. А вѣдь и достается ей бѣдной за сплетни; ну да благо невзыскательна; поругаютъ, прогонятъ, она опять придетъ, какъ ни въ чемъ не бывала. Ужь я сколько разъ гоняда, а вотъ все идетъ.

(Пульхерія Андревна входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Здравствуйте, здравствуйте! Сейчасъ нашу трактирщицу встрѣтила, идетъ такая разряженная, платье новое. Я—таки довольно долго ей въ слѣдъ посмотрѣла. Къ чему, думаю, къ чему!... Мужъ—то, вонъ, ужъ задолжалъ много, говорятъ. Ну, какъ поживаете? Иду мимо, думаю: какъ не зайти? ну и зашла.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Садитесь! Что новенькаго?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Какія у насъ новости, въ пашей глуши! Съ тоски пропадешь; словечка перемолвить не съ кѣмъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь вамъ еще новостей не знать, такъ кому же! Знакомство у васъ большое.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да помилуйте, какое знакомство? Народъ все грубый, обращенія никакого не знаетъ; не то, чтобы что нибудь любопытное сказать, а паровятъ все, какъ тебя обидѣть, особенно купечество. Я даже со многими перессорилась теперь за ихъ обращеніе. Вотъ хотя бы сейчасъ; зашла я къ сосѣдямъ, они приданое шьютъ, старшую дочь выдаютъ. Отдаютъ—то за лавочника, а приданое сдѣлали графское, ну смѣхъ да и только. Вотъ, говорю: «не родись умень, не родись пригожъ, а родись счастливъ; съ нечесаной—то бородой да какое приданое возьметъ». Такъ кабы вы посмотрѣли, какъ онѣ всѣ накупились на меня, а особенно старуха,—она у нихъ пренасмѣшница и вреругательница,

да еще какую-то злобу къ нашему благородному сословію имѣть. Ужь чего-чего она не прибрала! Да все въ насмѣшку, словами непристойными, да все съ риемой. Я просто со стыда сгорѣла, насилу выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, какъ прилично благородной дамѣ. А если мнѣ позволить всякому наступить мнѣ на ногу, я должна буду тогда свое званіе уронить.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, конечно, что за аказія ронять себя!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Я вамъ скажу, что во мнѣ гордости даже очень много. Я и въ порокъ этого себѣ не ставлю, потому что моя гордость благородная. Противъ себѣ равныхъ у меня нѣтъ гордости, а противъ такихъ людей, которые, при всемъ ихъ необразованіи, превозносятся своимъ богатствомъ, я всегда стараюсь показать, что я много выше ихъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Супругъ вашъ здоровъ ли?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ахъ, помилуйте, что ему дѣлается! Деревянный челоуѣкъ, сами знаете, чувствъ не имѣетъ; значить, что же его можетъ тревожить въ жизни? Только толстѣетъ. Наградилъ Богъ муженькомъ, ужь нечего сказать!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, вамъ грѣхъ на мужа жаловаться, онъ у васъ добышникъ хорошій.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Оно такъ, Татьяна Никоновна, только онъ по характеру мнѣ совсѣмъ не пара; у меня характеръ легкій, увлекательный, а онъ сидитъ, точно бирюкъ, ни до чего ему дѣла нѣтъ. А все-таки мы живемъ не хуже людей. Возьмите хоть сосѣдей: у Крутолобыхъ черезъ день драка. У Кумашниковыхъ въ недѣлю разъ, ужь это положеное.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Сохрани Господи!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

У насъ хотъ, по крайней мѣрѣ, этого нѣтъ. А у Чепчуговыхъ вчера исторія-то вышла, мнѣ кухарка ихъ сегодня на рынокъ сказывала, — вотъ такъ ужь комедія!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что же такое?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Сила-то, что ли, у ней не беретъ, такъ она какъ-же штуку придумала: взяла, да мужу вареньемъ и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Хорошаго немного.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вотъ такъ-то нынче жены-то съ мужьями живутъ, Татьяна Никоновна, а все люди женятся. Да еще на комъ женятся-то! нарываютъ все выше себя взять. Вотъ сейчасъ была я у Васютиныхъ. *(Олинъка прислушивается.)*

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

У какихъ это Васютиныхъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Какъ это вы не знаете! Да вотъ Ольга Ивановна его знаетъ.

ОЛИНЬКА.

А мнѣ по чемъ знать?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Полноте, полноте! еще вы были въ магазинѣ, такъ онъ къ вашей хозяйкѣ ходилъ.

ОЛИНЬКА.

Это бѣлокурый такой, что ли?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА *(взглянувъ на дочь)*.

Такъ что же такое у Васютиныхъ-то? Расскажите.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Нѣтъ, я къ тому говорю, Татьяна Никоновна, какъ люди возмечтать-то вдругъ могутъ о себѣ! Ну, положимъ, что имъ счастье, да что же ужъ такъ возноситься-то! Къ чему это?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да какое же имъ счастье-то?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да такое же и счастье, что сыну невесту нашли, и съ крестьянами, видите ли, и образованною; а и крестьянъ-то всего тринадцать душъ, Вотъ я и говорю, Татьяна Никоновна, какъ люди-то не умѣютъ себя вести. Вы бы посмотрѣли только, что

съ старухой-то дѣлается. Такъ носъ подняла, что и глядѣть ни на кого не хочетъ. Я тоже не захотѣла себя передъ ней уни- зить. Мы съ ней въ одинаковомъ чинѣ; съ чего же она взяла важничать передо мной? Ну, я и ограничила ее, сколько могла. Такъ это, изволите ли видѣть, ей не понравилось; такую подняла исторію, что я даже думаю совсѣмъ оставить это знакомство. Хоть мнѣ и не хотѣлось съ ней ссориться, ну да что дѣлать: языкъ мой — врагъ мой. *(Олинъка, видимо встревоженная, надѣ- ваетъ шляпку и мантилью.)*

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Куда ты?

ОЛИНЬКА.

Я, маменька, сейчасъ приду; мнѣ нужно. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пульхерія Андревна и Татьяна Никоневна.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что это съ ней сдѣлалось? Она какъ будто плачетъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Знаю я, все знаю; мнѣ только при ней говорить-то не хотѣ- лось. А вы вотъ ничего не знаете, а еще мать! А я думала, что вамъ все извѣстно, а то бы давно сказала.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Какъ же, узнаешь отъ нея чтонибудь, — она такъ дѣло обдѣ- лаетъ, что концовъ не найдешь.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Нѣтъ, Татьяна Никоневна, какъ ни остерегайся, а всякое дѣло современемъ все ужь откроется. Вотъ у богатыхъ да у знатныхъ такіе-то пассажи бываютъ, такъ ужь какъ стараются скрыть! а глядишь, послѣ черезъ людей или черезъ когонибудь и выдетъ наружу. Ну, а ужь въ нашей сторонѣ, кажется, муха не пролетитъ, чтобы этого не знали.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да послушайте, Пульхерія Андревна, неужели жь вы что серьезное про Олинъку знаете?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Серьезное не серьезное, тамъ какъ разсудите. Конечно для дѣвушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я комунибудь

крошѣ васъ сказывала. Сохрани меня Господи! Ну, разумѣется, Васютинъ обольстилъ ее тѣмъ, что жениться на ней обѣщаль; мнѣ ея товарка сказывала.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ! Да когда же матушка, когда?
(Плачетъ.)

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже, гдѣ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, ужь погоди же, теперь вернись только домой, я тебѣ задамъ! Эко наказанье съ дочерьми! (Утираетъ слезы.)

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ужь теперь ни бранью, ни слезами дѣла не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенько.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь я ее теперь съ глазъ не спущу.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Однако, прощайте! Заболталась я съ вами, а мнѣ еще надобно кой-куда зайти. Прощайте! (Цалуются. Уходитъ и сейчасъ же возвращается.) А вѣдь Илья-то Ильичъ вчера опять пьяный домой пріѣхалъ. Скажите, пожалуйста, я васъ спрашиваю, когда это кончится? Вѣдь ты женатый человѣкъ, вѣдь ты обязанъ семействомъ! Коли нѣтъ въ тебѣ стыда передъ людьми-то, ты хоть бы стѣнь посоветился! Сколько у него дѣтей-то? Знаете? Вѣдь пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право некогда. (Уходитъ и опять возвращается.) А я и забыла вамъ сказать. Вѣдь я въ горѣ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что за горе у васъ? Можетъ такъ, шутите?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Какія шутки! Этакого варварства.... Этакого тиранства.... Нѣтъ, этого нигдѣ не бываетъ. Развѣ только ужь въ самомъ низкомъ классѣ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Съ шужемъ опять что нибудь?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вѣдь ужь всѣ нынче носятъ бурнусы, ужь всѣ; кто же нынче не носитъ бурнусовъ?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну такъ что же?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ну вотъ одна знакомая и продаетъ бурнусъ, совсѣмъ новенькій. Я въ надеждѣ-то на своего дурака и говорю ей: «вы, моя милая, не безпокойте себя, не носите ни къ кому, а приносите прямо ко мнѣ, мы его у васъ купимъ». Ну вотъ она его и приноситъ. Думаю: что дѣлать? И себя-то поддержать передъ ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну, какъ онъ при постороннемъ человѣкѣ исторію заведетъ! Подымаюсь я на хитрости. Надѣваю бурнусъ, беру на себя равнодушный тонъ и говорю ему: «поздравь меня, мой другъ, съ обновкой!» Я думала, что хоть послѣ онъ и побранитъ меня, ужъ такъ и быть, а все-таки при чужомъ человѣкѣ не захочетъ уронить меня и себя.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А что же онъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Что онъ? Обыкновенно что. Для него первое удовольствіе жену унижить; и наровитъ все при постороннихъ людяхъ. И шутки у него, знаете, самыя неприличныя. «Вы, говоритъ, ее не слушайте; это она къ зубамъ грезить; съ ней, говоритъ, это бываетъ».—«Но за что же однако, позвольте васъ спросить, такое тиранство?» говорю я ему. А онъ мнѣ все-таки на это ни одного слова не отвѣтилъ, а продолжаетъ говорить той дамѣ: «она бы, говоритъ, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денегъ не даю». Пошелъ, да и сѣлъ за свои бумаги и двери затворилъ. Остришилъ меня, рѣшительно остришилъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да что вы, молоденькая, что ли, рядиться-то?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Это, Татьяна Никоновна, не отъ лѣтъ,—это бываетъ врожденный вкусъ въ человѣкѣ; и отъ воспитанія тоже много зависитъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Вотъ и съ воспитаніемъ-то бѣда: затѣй-то много, а денегъ нѣтъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Кабы вы понимали, что значитъ благородная дама, вы бы такъ не разсуждали; а то вы сами изъ простаго званія, такъ вы и судите.